

Д. В. СИЧИНАВА

**ПИСЬМО К ЧЁРТУ: ОДИН МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПРИМЕР
ДРЕВНЕРУССКОГО ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА***

...ты четвёртый,
последний чудный чорт в цвету.
Мандельштам

Новгородская грамота №4, как видно из её номера, найдена одной из первых — в год открытия берестяных грамот, 1951 г. Первой десятке грамот повезло в разных отношениях: они целиком занимают целый том, открывающий серию «Новгородские грамоты на бересте», комментарий достаточно развёрнут, изданы не только прорисы, но и фотографии (позднее из томов они исчезнут), каждой из грамот дано собственное название. Грамота №4 в издании [Арциховский, Тихомиров 1953] озаглавлена просто «Письмо Микиты» (хотя в других письмах из первой десятки адресат, если его имя можно разобрать, в оглавлении указан): дело в том, что уж больно колоритное у корреспондента Микиты оказалось имя — по-нынешнему, Чёрт (*Цертъ*). Сейчас письмо датируется примерно второй четвертью XIV века. Принятое еще сравнительно недавно его прочтение ([Зализняк 2004: 565], база данных gramoty.ru, подкорпус берестяных грамот в составе Национального корпуса русского языка) выглядело так:

ѿ микитѣ · ко цертоу · цто ѣсмѣ...
руциль · оу петра · на городищѣ · н...
юрги · былъ · выдалъ · со двора · н...
не оувѣдалса · а мене выдалъ... (ре)-
кль · еси железного · ...
рубль взавѣ · а ты н... ...
ндр- · исправи госп...
возми · сапозѣ ·

---

* Статья написана при поддержке проекта РФФ № 16-18-02003 «Структура значения и его отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Грамота имеет признаки древненовгородского диалекта (цоканье, Р. ед. *ѿ Микитѣ*, М. ед. *на Городищѣ*), однако в ней налицо и определенная ориентация на стандартный язык — окончание И. ед. везде -ѣ, а кроме того, представлена гиперкорректная словоформа *сапозѣ* (И. мн. в функции В. мн.) со второй палатализацией, свойственной книжной норме, но в то же время с диалектным окончанием -ѣ (см. об этой форме [Зализняк 1993: 125]).

К сожалению, от письма Микиты к Чёрту сохранилась только левая часть, не дающая связного текста, а только в лучшем случае отдельные синтагмы: даже в первых, самых длинных сохранившихся строках, лакуны справа довольно велики. К пониманию этого пришёл А. А. Зализняк, предложивший схему реконструкции начала грамоты [Зализняк 1986: 283]. Он предположил, что в первой строке после *ѣсмь* должно было быть указано лицо, за которое автор поручился. Издатели, допуская, что в конце первой строки лакуны не было, предполагали в тексте невозвратный бесприставочный глагол *ручити*. Глагол *ручити* в том примере, на который ссылаются издатели (поручная запись 1393 г. князя Олега Рязанского польскому королю Владиславу II, он же Ягайло, за своего зятя Корибута), выступает в составе перформативной сочинительной *figura etymologica* (*ручили мы и поручили*)¹. Это единственный контекст данной лексемы, учтенный в «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)». Здесь оба сочинённых глагола вводят обозначение гаранта поручительства с помощью предлога *у* (ср. *оу Петра* в нашей грамоте №4), а объекта поручительства — при помощи предлога *за*. Правда, неясно, насколько этот гапакс может говорить о реальности такого глагола в Новгороде XIV века, поскольку обсуждаемый документ составлен в Переяславле-Рязанском при участии представителей Гедиминовичей, на языке с очевидными западными (старобелорусскими) чертами: ср. *любуюемъ*, вероятно, также и *тыхъ*. С другой стороны, словообразовательное гнездо (*поручить*, *ручаться*, древнее *рука* как контекстуальный синоним для *порука*, ср. берестяные грамоты №№531², 731, Ст. Р. 43 и др.) заставляет думать, что в существовании глагола *ручити*, в общем, нет ничего неожиданного.

Если допустить, что кроме имени в лакуне должны были уместиться отсутствующие в дошедшем до нас тексте *disjecta membra* более привычного глагола *поручитиса* — приставка, возвратное *са* и предлог (управление было вариативным: *по*, *въ* или *за*), — то это сталкивается с той сложностью, что энклитика *са* была выше рангом, чем *есмь* и, следовательно, должна была стоять в тексте левее; в таком случае надо предполагать в тексте грамоты ритмико-синтаксический барьер, способствующий разделению комплекса энклитик на две части.

¹ Схожие сочинительные формулы существуют в дипломатике веками: так, и в XXI веке монархи Люксембурга и Монако включают в свои указы слова *avons ordonné et ordonnons*, а король Бельгии — *avons arrêté et arrêtons*.

² В этой грамоте имеются фразеологизмы с обоими данными словами: как *возложилъ(ъ) пороукоу*, *(во)звелъ(ъ) пороукоу*, так и *дала роукоу*.

А. А. Зализняк [1986] также предложил, с опорой на документ XVII века (письмо арестованных «порутчиков» Якова Зотова и других 1668 г.), убедительную трактовку ключевого слова *выдаль* — ‘подвёл’, а именно ‘не выплатил долг’ (*не оувъдалса*) и тем самым навёл на своего поручителя по кредиту санкции. Добавим, что именно такое употребление глагола *выдати* представлено и в норме Соборного уложения 1649 г., на юридическую лексику и практику которого могли ориентироваться авторы этого письма: *А которые люди ручающца по ком к суду или с суда, а тот человек, по ком ручающца, в поруке их **выдаст**, и исцов иск и пошлины доправят за него на порутчиках, и тем порутчиком то все, что на них будет доправлено, взяти на том, по ком они ручающца, да им же на нем велеть доправить проестъ и волокиты по три рубли на месяц, да убытки их по суду и по сыску.* Данное употребление представляет собой частный случай значения глагола *выдати* ‘оставить без помощи, защиты; предать’, известного с XII в. [СДРЯ XI—XIV, 2 : 241, СлРЯ XI—XVII, 3: 197]. Материалы старорусского (среднерусского) корпуса в составе Национального корпуса русского языка показывают, что схожие конструкции *порукою выдати*, *поручника выдати* существовали и на временной дистанции между грамотой №4 и XVII веком; вот примеры из XV—XVI вв.: *Но князь же Дмитрей крестное цълование забыль и поручника старца Сергия **выдал*** [Инока Фомы Слово похвальное (1450-1455)]; *Діонисей же епископъ преухитри великого князя Дмитрея Ивановича, еже не ити ему въ Царьградъ, и на томъ введе въ поруку великому князю преподобнаго игумена Сергія Радонежскаго, и потомъ поручника преподобнаго игумена Сергія **выдаль**, и побѣжа ко Царюграду Волгою въ судѣхъ къ Сараяу.* [Никоновская летопись]; *И как он побежал, и взял с собою пять конев да холопа моего, а Ивана паробка моего порукою **выдал*** (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.).

В этой связи особенно интересен отрезок *Юрги былъ выдаль со двора*. А. А. Зализняк предполагает, что Юрий (Юргий) — тот же человек, который «выдал» автора в следующей строке и, таким образом, данная фраза, «возможно, содержит ту же самую информацию, но это не совсем надежно». Перед нами повтор одного и того же глагола сначала в плюсквамперфекте (так называемой «сверхсложной» не книжной форме, см. [Петрухин, Сичинава 2006]), а потом в перфекте (который к XIV веку уже заведомо стал базовым прошедшим временем). Причём открывается грамота еще одной формой прошедшего времени *есмь... (...)*руциль, которая теоретически может быть как перфектом, так и еще одним плюсквамперфектом с утраченным в лакуне *быль*, ср. сверхсложную форму *реклъ еси былъ* в грамоте №195. Надо понимать, в пассаже о Юрии перед нами то же самое значение ‘подвести’ (а не, скажем, ‘отдать со двора какие-то вещи’ или ‘выдать со двора для расправы’, подобная каламбурная игра неуместна для весьма серьёзного письма). При этом, возможно, за обоими глаголами

еще стоит одна и та же ситуация. Для лаконизма берестяных грамот это нетипично.

Что может стоять за такой необычной стратегией и почему здесь избран плюсквамперфект? В берестяных грамотах плюсквамперфект, кроме обсуждаемого случая, встретился еще несколько раз, причем в довольно «нестандартных» функциях с точки зрения того, что традиционно принято считать о семантике этой формы. Например, сигнализация начала нарратива, по словам Зализняка [2004: 176], «относ[ящая] повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого». Это типологически хорошо известная функция плюсквамперфекта и связанных с ним форм, которую можно назвать «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008; 2013]; в русском языке ее следом, скорее всего, является сказочная формула *жили-были* [Петрухин 2007], хотя для последней возможны и другие объяснения. В наиболее чистом виде функция «сдвига начальной точки» представлена в знаменитой грамоте №724, датируемой 1160-ми годами (*Оставили ма **были** людье, да остатъ дани исправити было имъ до-сени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья въ в[гъ]ре урокль...*). С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела ещё в двух, уже поздних, грамотах (упомянутая №195, XIV в.: *реклъ еси **быль** во своемъ селъ верши всъ добры*; а также №300, XV в.: *и Терохъ **во-зилесь быле** в ...имовъ хоромъ*; то и другое, как и в №724, сразу после адресной формулы), но, к сожалению, дальнейшая часть обеих грамот утрачена. Можно предположить, что в грамоте №195 автор опровергает слова адресата — фактически с хлебами в селе всё оказалось не так хорошо.

Еще в нескольких грамотах официально-делового содержания, по-видимому, представлена «перформативная» функция в сочетании с характерным для этой формы (как типологически, так и в древнерусском) значением «аннулированного результата» [Петрухин 2013: 91] — выбор плюсквамперфекта сигнализирует читателю о том, что некоторое действие данным юридическим актом отменяется, например, *Съ урад(и)са Аковъ съ Гюрьгъмо и съ Харгътономъ по бьсудной грамотъ, цто **быль возаль** Гюрьгъ грамоту в ызъгъжьной пшьнъцъ, а Харгътоно во проторъхо своъхъ* (грамота №366, вторая половина XIV века). Формально здесь можно усмотреть «предшествование в прошедшем» (по отношению к действию, обозначенному аористом), но фактически это указание на прекращение действия бессудной грамоты. Аналогично употреблена форма плюсквамперфекта в «памяти про Местятку на Радослава» (грамота №213, середина XIII века) или в имеющем характер полуофициальной претензии к собственнику в письме №705 (начало XIII века). Такая функция, как показал в указанной работе П. В. Петрухин, особенно характерна для бумажных грамот средне-русского периода, а также для канцелярской «простой мовы» Великого княжества Литовского. В любом случае перед нами не юридический документ, а значит, перформативное значение нам не подходит.

К сожалению, грамота №4 повреждена настолько, что любое решение здесь может быть только гипотетическим, однако предположим, что перед нами начало нарратива, напоминающее грамоту №724. В первой же независимой клаузе рассказа (относительно первого придаточного предложения наши сведения недостаточны) употреблен плюсквамперфект, сигнализирующий начало (микро)нарратива, причем кратко резюмирующий его: в обоих случаях говорящие попали в сложную ситуацию. Следующая независимая клауза эксплицирует предыдущее утверждение — каким именно образом Юрий «выдал» Микиту, — подробнее описывая ту же ситуацию при помощи того же глагола, но уже в перфекте. Схема реконструкции выглядит так: «Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(а том меня) Юрий подвёл: с ... не расплатился, а меня подвёл». Кажется, такое решение наиболее экономно по длине конъектур. При этом *быль* в составе плюсквамперфекта не выступает в качестве фразовой энклитики последнего ранга (как в остальных берестяных грамотах), а стоит после подлежащего; известно, что его статус как энклитики «установился не вполне прочно» [Зализняк 2008: 40], см. также ниже.

Но остается не очень ясно, что такое *со двора* (выше на месте слова *двора* мы сделали пропуск); как будто бы к контексту ни глагола *выдати* ‘подвести’, ни глагола *увъдатиса* обстоятельство «со двора» не подходит³. Расплатиться можно не «откуда-то», а «с кем-то»: ср. чуть более раннюю грамоту №142, где встретился этот же глагол *увъдатиса* с таким управлением. Это позволяет увидеть в последовательности *со двора н...* предложную группу «съ + Тв. падеж», что дает два возможных решения: *со дворан(ы)* или *со дворан(иномъ)*. В принципе, необозначение мягкости, особенно сонорных, в берестяных грамотах не редкость, но есть все основания внести в принятый текст грамоты №4 поправку и уверенно читать именно *дворан...* Буква после *p* на высококачественной фотографии из базы *gramoty.ru* (<http://gramoty.ru/gramoty/bb004.jpg>) вполне похожа на то, как Микита пишет юс малый (это перевернутая «галочка» и внутри ее не касающийся сторон короткий вертикальный штрих ближе к правой стороне) и совсем не похожа на многочисленные надежные *a* (с замкнутой петлей). Отметим, что одно первоначально прочитанное *a* в этой грамоте уже правилось на юс: А. А. Зализняк [1993: 125] установил, «что в шестой строке читается *взавъ*, с *a* (тогда как опубликованная в издании прорись допускала также прочтение *взавъ*)».

Прорись из издания изображает также точку после *двора*, входит эта точка и в принятый сейчас текст грамоты. Точки в данной грамоте обычно стоят после последней буквы слова и/или перед ней, но и этот знак, судя по фотографии, сложно считать совершенно надёжным. С другой стороны,

---

³ О неясности этого места при чтении *со двора*, возможно, косвенно говорит следующий курьез: в энциклопедической статье о плюсквамперфекте [Иванов 1997: 345] цитата из нашей грамоты дана искаженно: «*гюрги быль видель со двора*».

на снимке, как кажется, виден и нигде не отмеченный в литературе гораздо более «жирный» интерпункт между слогами слова *мече*. Если он реален, тогда и точка в предполагаемом *дворан(ы)* стоит в такой же позиции; впрочем, серьезным аргументом в пользу выбора между двумя вариантами реконструкции расположение точек служить не может.

Такое прочтение получает и лексико-семантическую поддержку. Именно «дворян» посылают решать финансовые конфликты, например, в таких грамотах XIV века, как №№ 67, 289, 345, да и в более ранних (ср. финал знаменитой грамоты № 531): в нашем случае получается, что злостный должник оказывается несостоятельным даже перед лицом официального коллектора. Правда, сказать «расплатиться» всё-таки естественнее о фактическом контрагенте (а не о том, кто приехал от него за деньгами). Впрочем, и сами дворяне/детские и т. п. получали от должника штраф на судебные и/или транспортные издержки («погон», грамота № 295); а кроме того, упомянутое ниже в нашей грамоте *железное*, как отмечают издатели, в XIV веке имело значение «пошлина, которая уплачивалась дворянину (подчеркнуто нами — Д. С.), налагавшему оковы на обвиняемого, если обвиняемый не имел поручителя» [Арциховский, Тихомиров 1953: 31]. Вероятно, это продолжение того же сюжета, и не исключено, что в данной ситуации оковы грозят самому поручителю, Миките. Отсутствие союза перед *со* нормально и объясняется «смысловым двоеточием». Между *со дворан(ы)* и *не увьдалса*, по расчёту лакуны, должен был быть и еще какой-то текст (например, нередко при упоминании дворян, детских, отроков и тому подобных мастеров отъёма денег говорится, «чьи» они)⁴.

Вскоре после публикации предыдущего варианта данной заметки в Интернете в составе неофициального сборника к 80-летию А. А. Зализняка (inslav.ru/zaliziak80/congratulations/Sitchinava.pdf) предложенное нами буквенное исправление было принято дополнительно изучившим фотографию грамоты А. А. Гиппиусом во включенных в очередной том издания «Поправках и замечаниях» к чтению берестяных грамот [Гиппиус, Зализняк 2015: 196]. Кроме того, А. А. Гиппиус отметил, что «в конце пятой строки читается *по...*; в начале седьмой — *ндр[ръ]* (скорее всего:

⁴ Анонимный рецензент считает, что в данной версии хорошего заполнения этой лакуны не видно (а также подчеркивает отмеченную нами сложность допущения о расчете должника именно «с дворянами») и предлагает понимать слово «дворяне» как обладающее пропозициональной семантикой и означающее «приезд дворян». Расчет же производится с реальным кредитором, например, упомянутым в тексте Петром. В предложенной рецензентом схеме реконструкции лакуны заполняются так: *что юсьмь (за Юрга са по)руциль оу Петра на Городицъ, н(ынъ ма) Юрги былъ выдать со дворан(ы: съ Петромъ) не оувьдалса, а мене выдать*, то есть «подвел меня под санкции в виде приезда дворян». Правда, прямых аналогов этой конструкции («подвести кого-л. с какой-л. санкцией») пока не находится; вообще выражение такой семантики в истории русского языка нуждается в отдельном исследовании.

(на Олекса)ндр[ѣ]»). Это дает такой уточненный текст грамоты (о надежности точек см. выше):

ѿ микитѣ · ко цертоу · цто ксмъ...
 руциль · оу петра · на городищѣ · н...
 юрги · былъ · выдалъ · со двора[·]н...
 не оувѣдалса · а ме[·]не выдалъ... (ре)-
 кль · кси железного · по...
 рубль взавѣ · а ты н... ...
 ндр[ѣ] исправи госп...
 возми · сапозѣ ·

Итак, в нашей реконструкции (еще раз подчеркнем ее сугубо гипотетический характер) дискурсивный плюсквамперфект как бы резюмирует суть микронарратива в самом начале: в грамоте №724 Савва лишен поддержки своих людей, а здесь Микита оказывается в сомнительном правовом положении (если уже и не прямо пишет Чёрту из тюрьмы, как и авторы цитируемого А. А. Зализняком документа 1668 г.). Это своеобразный вариант значения «сдвиг начальной точки», в типологической работе [Сичинава 2008; 2013] не выявленный. Схожее дублирование глагольной лексемы (но уже с использованием книжных форм – плюсквамперфекта со вспомогательным *бѣ* и аориста соответственно) можно усмотреть в примере из Киевской летописи (1148): *В то же верема пришесть бѣ Гюргевиць старѣишии Ростиславѣ, роскоторавѣса съ бѣмъ своимъ, вже емоу вѣць волости не да в Соуждалиской земли, и приде къ Изаславо(у) Киевоу* [ПСРЛ II: 366]; сначала говорится о появлении нового персонажа нового эпизода — лишённого волости Ростислава Юрьевича, а затем уточняется (уже в немаркированном времени), куда и к кому именно он явился, и сюжет продолжается.

Возможно, эта функция элемента *был-* генетически связана не только с плюсквамперфектом как таковым, но и с северорусским «избыточным *есть*», экзистенциальным показателем, выделяющим некоторое важное положение дел (развивая идею М. Н. Швелёвой, ср. [Швелёва 2007; Петрухин 2013: 76]). Известно такое *есть*, по-видимому, и в берестяных грамотах XIV века (письмо №252). Кстати, если это по происхождению «не совсем плюсквамперфектное» *быль*, то это объясняет и то, почему в данной реконструкции оно стоит не на месте энклитики.

Впрочем, нарратив тут же и кончается, и автор переходит к конкретным указаниям для Чёрта, пересказывая его предыдущее письмо при помощи формулы *реклъ еси* (современное «ты пишешь, что...»), а затем, как отметили уже издатели, обращаясь вслед за Чёртом и ещё к кому-то (столь же характерная формула смены адресата *а ты...*; ср. [Гиппиус 2004]). Возможно, адресаты — домочадцы Микиты, ср. финальную просьбу «взять сапоги». К сожалению, от этой части письма осталось совсем мало. Как указали издатели и А. А. Зализняк, императив *исправи* может относиться к урегу-

лированию возникшего конфликта. Добавим, что реконструируемое теперь А. А. Гиппиусом (*на Олекса)ндр[ъ] исправи* ‘взыщи долг с Олександра’ можно понимать как просьбу срочно собрать деньги для погашения долга Юрия и снятия санкций с Микиты; для этого же, вероятно, требовалось и *рубль взати*. Именно поэтому при такой схеме реконструкции видеть в *быль выдалъ* значение аннулированного результата, кажется, нельзя: к моменту написания грамоты долг явно не погашен и инцидент не исчерпан.

Есть, кажется, и еще одна возможность истолковать плюсквамперфект в этой грамоте, требующая, правда, гипотезы о большем объеме лакун: *быль выдалъ* может значить «чуть было не подвёл» (авертивное, или проксимативное значение). Для древне- и среднерусских текстов такое значение, кажется, пока не было известно, но в XVIII веке оно уже очень активно с глаголами необратимого результата: *я умер было от желудка* (Крылов), *содрал было кожу* (Фонвизин), *замерз было* (Львов) [Сичинава 2012; 2013]. Тогда надо предположить, что автор поручился за Юрия и еще за кого-то, после чего Юрий его чуть было не подвёл, а второй персонаж не расплатился с дворянами и подвёл на самом деле. У этой версии те преимущества, что она не предполагает двукратного изложения одной и той же ситуации, четче семантизирует оппозицию между плюсквамперфектом и перфектом, а также делает более естественным реконструируемый повтор имени Юрия (если бы тот был единственным контрагентом, «конкурирующих» референтов бы не было). Прагматически, впрочем, она выглядит хуже: сообщение о «чуть было не» произошедшем событии (да еще и без подробностей и до известия о реальном несчастье) могут оправдать только эмоции писавшего. Кроме того, перед предполагаемым *со дворян*- тогда требовался бы союз *а* (даже в современном языке). На такие же трудности наталкивается и предположение о значении собственно аннулированного результата при другом субъекте (допустим, первый должник «подвёл было» Микиту, но потом всё же заплатил долг, а второй нет).

Таким образом, письмо к Чёрту заставляет задуматься о дискурсивной семантике и прагматике древнерусского плюсквамперфекта, а это неизбежно ставит вопросы об интерпретации грамоты в целом (в частности, позволяет предложить буквенную поправку к её чтению). Не исключено, что открытие новых берестяных грамот поможет решить эту загадку и принесёт новые сюрпризы.

Л и т е р а т у р а

Арциховский, Тихомиров 1953 — А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 года. М., 1953.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 годов. Том XI. М., 2004. С. 183–232.

Гиппиус, Зализняк 2015 — А. А. Г и п п и у с, А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Том XII. М., 2015. С. 196–275.

Зализняк 1986 — А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот (Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, параграф 87) // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986. С. 181–217.

Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтениям ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 годов. М., 1993. С. 123–180.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004. (1-е изд., 1995).

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Иванов 1997 — В а л. В а с. И в а н о в. Плюсquamперфект // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, М., 1997. С. 344–345.

Петрухин 2007 — П. В. П е т р у х и н. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении. 2007. №2 (14). С. 268–282.

Петрухин 2013 — П. В. П е т р у х и н. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge 1. 2013. С. 74–98.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998.

Сичинава 2008 — Д. В. С и ч и н а в а. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М., 2008. С. 241–274.

Сичинава 2012 — Д. В. С и ч и н а в а. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2012. №2 (24). С. 257–284.

Сичинава 2013 — Д. В. С и ч и н а в а. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

СДРЯ XI—XIV, 2 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 2. М., 1989.

СлРЯ XI—XVII, 3 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 3. М., 1976.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. №2 (14). С. 214–252.

Резюме

В статье разбирается текст дошедшей до нас в виде фрагмента новгородской берестяной грамоты №4 (XIV век) сквозь призму семантики встретившейся в этом фрагменте формы плюсквамперфекта (*быль выдаль*). Предложена интерпретация подобного употребления (связанная с дискурсивными функциями древнерусского плюсквамперфекта, в частности с употреблением этой формы в начале нарратива), что требует и гипотетической реконструкции текста грамоты в целом. Автор предлагает буквенную поправку к тексту грамоты по сравнению с принятым раньше

чением. Обсуждается также ряд других частных вопросов, связанных с интерпретацией текста.

Ключевые слова: берестяные грамоты, дискурсивные употребления глагольных форм, плюсквамперфект, древненовгородский диалект.

Получено 23.04.2017

DMITRI V. SITCHINA VA

**THE LETTER TO THE DEVIL:
A LITTLE-KNOWN INSTANCE OF THE OLD RUSSIAN PLUPERFECT**

The paper discusses the fragmented birchbark letter from Novgorod no. 4 written around 1320–1340, focusing on the context of the Pluperfect form that occurs in the fragment (*byl vydal*). An interpretation of this use is proposed linking it with the discourse functions of the Old Russian Pluperfect that marks the initial point of a narrative. This hypothesis requires for a reconstruction of the whole text of the letter in question. The author proposes to correct the previous reading of the document, and discusses also some other issues related to its interpretation.

Keywords: birchbark letters, discourse uses of verbal forms, Pluperfect, Old Novgorod dialect.

Received on 23.04.2017